

Больше всего в поездке Оля волновалась за гуашь. Как бы не опрокинулись баночки! За акварель она тоже переживала: ей казалось, что она забыла дома разноцветную коробку, которую ей утром вручила мама. Это были не обычные кругляшки краски, а прямоугольные «кирпичики», как у взрослых художников.

— Питерская акварель, — важно сказала мама, открывая заветную коробку.

У Оли загорелись глаза. Какие там названия! Ганза лимонная, травяная зелёная, ультрамарин, краплак... Она повторила про себя названия цветов и улыбнулась. В голове сразу вспыхнули разные картинки.

Оля очень любила рисовать. Она рисовала всем подряд: и карандашами, и маркерами, и акварелью, и гуашью. Если нечем было рисовать, например, пока ждёшь маму на школьном дворе, можно найти камень и попробовать проводить им линии на асфальте. Если камень слишком твёрдый, линии выходят незаметными, почти невидимыми. Но иногда попадаются мягкие камни, они рисуют ярко, как белые мелки.

А ещё за школой можно поискать кусочки кирпича: тогда на асфальте расцветают рыжие лилии и бархатцы. И совсем уж счастье, если в рюкзаке завалялись мелки. Тогда к приходу мамы на асфальте появляется целый сад с дорожками и деревьями — грушами, яблонями, сливами... К тому же по нарисованным дорожкам можно побегать.

Бабушка Марина говорила, что Оля унаследовала любовь к рисованию от мамы.

Мама на это смущённо улыбалась («Я же просто дизайнер, а не художник»). Но во-

обще-то мама часто брала в руки карандаши и краски. Весь июнь они бродили с Олей по Москве, делали наброски старинных домов, церквей, людей в парках. Мама называла их вылазки пленэром. Особенно Оле нравилось потом пить чай с пирожными в кафе и слушать мамины рассказы о разных художниках.

Честно говоря, Оля обожала любые истории. Их было так здорово рисовать!

На Олиных рисунках принцы сражались с драконами и саблезубыми тиграми, принцессы же выращивали волшебные деревья до самого неба, феи кружились в танце, а русалки дразнили моряков на кораблях. Иногда Оля и сама воображала себя русалкой, плыла по морю и видела ракушки, дельфинов и морские сокровища. Рисование и было Олиным морем: она погружалась в него и чувствовала, что плывёт и дышит полной грудью.

Сейчас Оля глядела на домики, дорожные знаки, кошек и старушек, которые проносились за окном папиной машины.

Олю везли на дачу — к бабушке Марине и дедушке Толику. Июль и август она проводила с ними.

Кошки и старушки так быстро мелькали за окном, что рассмотреть их не получалось. А значит, не получится и нарисовать чуть позже. Оля не рисовала с самого утра, с тех пор как убрали в чемодан последние фломастеры. И от этого ей было не по себе. Вдруг родители забыли положить в багажник сумку с гуашью и акварелью? Беспокойство зудело, но спросить в третий раз она не решалась. Поэтому заставляла себя глядеть в окно и кусала губы.

В затемнённом стекле отражалась она, Оля: два пшеничных хвостика, алый ободок и белое платье с красными клубничинами. Заколки на голове — тоже с ягодами. На шее — ожерелье из коралловых бусин.

Оля любила надевать красивые платья, а потом садиться перед зеркалом и рисовать автопортреты. Но сейчас ей было скучно рассматривать себя, потому что в этом платье она себя уже рисовала вчера — той самой питерской акварелью. Так что Оля вообразила,

что на ней не платье с клубничинами, а зелёно-голубой блестящий плащ с капюшоном, и сама она — не девочка, а фея дождя. Надо выбрать подходящее ей имя. Хм...

— Опять что-то придумывает, — негромко произнесла мама, быстро обернувшись на Олю. — Всё время в своих мыслях!

— Я тоже такой был, — откликнулся папа. — Мечтатель! Читал, рисовал... Друзей почти не было.

— Знаешь, я тоже часто сидела одна, рисовала. Но и подруг было много. Особенно на даче! То в мяч играли, то в резиночку прыгали, то куклам суп варили. Секретики ещё закапывали. Они так красиво переливались на солнце!

Мама вздохнула, снова бросив на Олю быстрый взгляд:

— Ей бы подружку.

— Ты говорила, к Анне Александровне внучку в этом году должны привезти. Из Мурманска, что ли...

— Из Саранска, — поправила мама. — Да, точно. В июне привезли, уже месяц как живёт. Марина Георгиевна сказала, что видела её пару раз. Только она, знаешь... Очень энергичная. Твоя мама говорит «шебутная». Нашей Оле не подойдёт. Ей бы кого-то тихого, спокойного, чтобы сидели рядом и рисовали.

— Мам! — не выдержала Оля, услышав слово «рисовали». — А краски точно взяли?!

— Краски и кисточки — Олькины друзья! — засмеялся папа, выруливая на просёлочную дорогу. — Настоящие!

Вот наконец и деревянные ворота: дедушка Толик держит их распахнутыми, ждёт дорогих гостей. Папа остановил машину, потянулся. Оля распахнула дверь, выскочила. Зажмурилась на секунду: дачные запахи! Пахнет травой, солнцем, соснами, жасмином и чем-то сладким. Но чем?

А вот и бабушка, спешит к Оле. Стройная, лёгкая, в тёмно-вишнёвой юбке и розовой

рубашке. Дедушка иногда говорит бабушке, что она у него красавица, а она отмахивается: «Ой, да старая я, и лицо у меня — как печёное яблочко». Бабушка обнимает Олю, и вот ещё один тёплый летний аромат — от бабушкиной рубашки пахнет пирогом.

— С яблоками? — радостно спрашивает Оля бабушку.

— С клубникой! — отвечает та. — В этом году столько! Почти всю собрала. Но ты не волнуйся, не волнуйся, оставила ягод тебе на рисунки. Я же помню, я же знаю... Платье у тебя какое! В тон пирогу. Ну-ка покрутись, юбка-колокольчик. Как же ты выросла, Олечка моя...

— И ты выросла, — отвечает Оля совершенно серьёзно, а вот взрослые почему-то смеются.

Оля перестаёт крутиться и смущённо прячется в бабушкиных ладонях, прижимая их к лицу. И правда, клубникой пахнут. Руки бабушки в коричневых трещинках — от фруктов,

сухие и тёплые. «Фруктовые руки», — определяет Оля и тут же придумывает фруктовое дерево, бабушку-яблоню, которая растёт в секретном саду и обнимает всех, кто в него войдёт.

Папа достаёт из машины вещи, мама забирает у него бумажный пакет с пирожными, чтобы он не помял их.

— Бабушка, а чем ещё пахнет, такой сладкий запах, как варенье?

— Так это шиповник цветёт, вон там, у забора, — показывает бабушка.

Шиповник! У Оли перехватывает дыхание. В прошлом году было холодное лето, и она не успела нарисовать Шиповниковую королеву. А так хотела! Когда дожди кончились, густорозовые лепестки уже облетели. Оля даже плакала от обиды...

Зато в этом году Оля успеет всё! Она подбегает к багажнику, тянет к себе сумку с красками.

— Осторожно! — ахает мама и перехватывает у Оли сумку. — Там же персики сверху! Помнётся!

— Зачем вы привезли персики, у нас клубники и жимолости навалом и смородина скоро созреет! — нахмурился дедушка Толик. — Все эти заморские фрукты ни к чему.

— Анатолий Алексеевич, Оля любит персики... И нам удалось их со скидкой купить.

— Конечно, со скидкой, кому они ещё нужны в июле-то, когда своя жимолость есть!

— Анатолий Алексеевич, жимолость — кислая, как её вообще можно с персиками сравнивать?

Пока мама спорит с бабушкой, она не выпускает из рук сумку. Но Оле удаётся нащупать коробочку с акварельными карандашами и какую-то тетрадку. Она выдёргивает их и бежит к забору.

— Осторожно, крапива! — кричит ей вслед бабушка.

— Это хорошо! — отвечает Оля, зажав карандаши под мышкой и сложив руки рупором. — Я её тоже давно хотела нарисовать!

— И комары-ы-ы! Оля! Комары!

Но Оля уже не слышит.

Вот и крапива, а вот и шиповник. Оля восторженно ахает. Какой цвет! Красновато-лиловый. Мама говорила, этот цвет называется «аделаида». У неё много книг про цвета и оттенки, а особенно интересные названия она помнит наизусть. Ещё мама говорила, что этот цвет упоминается в «Записках охотника» Тургенева. Но Оля «Записки охотника» ещё не читала, хотя читать она любит почти так же, как рисовать.

Она уселась на влажную траву и раскрыла тетрадь. Выбрала карандаш, попробовала его на полях. Нет, нужен другой оттенок. А если этот? Она попробовала соседний. Подходит!

И вот на тетрадном листке распускается пышным цветом шиповник: алые лепестки,

